

В пространстве утрат

Ничего не поделаешь, в этом пространстве надо выживать. Ощущение утраты никогда не делается привычным. На этот раз утешает, пожалуй, лишь та неповторимая бесшабашность, с которой ушла всеми любимая Ольга Юдовна Ноткина.

У нас с друзьями есть сложившийся ритуал. Каждый год, 31 декабря, мы ходим... Нет, не в баню, а в Воронцовский переулок, поднимаемся по заветной лестнице на верхотуру, к Фельдману и Ноткиной. В выгороженной из лестничной клетки кухоньке-прихожей — трогательный санузел за занавеской. Две комнатушки, обустроенные в стиле хрущевской

оттепели. Ничего нарочито декоративного. Много книг, папок, подшивок. Увидев нашу теплую компанию (Саша Розенбойм, Миша Пойзнер, Сема Вайнблат, Губарь) Ольга Юдовна радостно пританцовывает. Нас любят, нас ждут, нами интересуются вдохновенно. Мы сюда пришли, следовательно, год заладится!

Форшмак, селедочка, маслинки, оливье... Здравицы попеременно с историями о Строганове и Ришелье, Бабеле и Катаеве, исторической топонимии и книговедении, старом быте и алкогольной топографии. Курьезы, анекдоты, легенды местного разлива, ироническая пикировка. У Ноткиной острый язычок, умеет припечатать, ежели кто заслужил. Виктор Семенович не хуже нашего лихо опрокидывает рюмашку сорокоградусной, Ольга Юдовна уважительно пригубливает сухенькое. Нас это врачует, нас это поддерживает — заразительный пример интеллигентного абсентеизма, инфантильной гармонии в недрах социально плотной, засасывающей среды всеобщей мелочной обеспокоенности и вздрюченности. Не знаю, как ребята, а я всегда чувствовал здесь себя внуком, безответственным и абсолютно защищенным.

Перечитывая "Макбета", наткнулся на словосочетание "отмель времен". Так можно типизировать их мир, пространство обитания, куда нас

охотно запускали для подзарядки. Может быть, это пространство формировалось лейтмотивом судьбы Ноткиной и Фельдмана — библиографией и краеведением. Мы всего лишь ученически макетировали мизансцены региональной истории, а они сами по себе являли живую ретроспективную мизансцену. Остается всхлипнуть: "Рухнул дуб". Для нас и в самом деле обрушилось мироздание, исчез необъятный, невоспроизводимый "отдел вселенной", разбилась уникальная "машина времени".

Как я был любим — бескорыстно, самоотверженно, безоглядно. Кто меня еще так полюбит, вопрошаю эгоистически?.. Ольга Юдовна никогда не спрашивала: "Как дела?", "Что нового?" Иначе, иначе: "Как Маша?", "Как Вика?", "Как Федор?" и проч. Знала все о моих друзьях, приятельницах, домочадцах, вплоть до племянника отчима жены тети мужа золовки со стороны тещи дяди Пети. В нее вмещались чувства и заботы целой прорвы народа. Куда теперь все это денется?

Я хочу думать, что душа ее и в самом деле разлита в природе, что когда мы зачерпываем из простора чувства, ощущения, строки, мысли, они навеяны, подсказаны, нашептаны и ею, и прежде ушедшими дорогами, любившими нас людьми. Значит, окружающее пространство утрат парадоксально напитывает нас позитивной энергетикой жизнеутверждения. Значит, ушедшие и в самом деле пребывают где-то поблизости, обдавая нас свежим, животворным дыханием. Значит, мы снова пойдем в Воронцовский переулок — к Виктору Семеновичу Фельдману, а Ольга Юдовна, как прежде, иронически хохотнет со своей верхотуры. Да так бойко, что мы счастливо реглянемся и зашагаем навстречу еще решительнее.

Олег ГУБАРЬ